

Инсарский Василий Антонович

Поход 1859 года

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Антонович И.**
Поход 1859 года / Инсарский Василий Антонович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 113 с.

ISBN 978-5-519-87105-1

Из кавказских воспоминаний В.А. Инсарского

ISBN 978-5-519-87105-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жалъ пройденный уже, довольно длинный, путь, а впереди враждебная страна непокорныхъ горцевъ. Всякій другой на его мѣстѣ, болѣе его опытный, возвратился бы назадъ, какъ это ни было бы непріятно; неопытный Рутковскій пошелъ впередъ и—удивительное дѣло!—здравъ и невредимъ явился въ нашъ лагерь, доставивъ въ совершенной цѣлости всѣ порученныя ему вещи. Изъ разсказовъ его видно, что, являясь въ какой нибудь аулъ, онъ относился къ нему, какъ къ какому нибудь селу въ Тамбовской губерніи, требовалъ лошадей и проводниковъ, на томъ основаніи, что «казну везетъ». По словамъ Рутковского, слово «казна» имѣло на дикихъ горцевъ какое-то магическое дѣйствіе, и они относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ, какъ къ чему-то священному. Онъ говорилъ, что при появленіи его въ немирномъ аулѣ почти все населеніе его выползало изъ сабель и группировалось вокругъ него съ фizioноміями, на которыхъ удивленіе смѣшивалось съ непріятностію. Слово «казна» какъ будто тотчасъ вразумляло ихъ. Этого мало. Рутковскій говорилъ, что, по желанью жи-

телей, онъ нѣсколько разъ распаковывалъ вещи, показывалъ ихъ осаждавшимъ его толпамъ и самъ любовался ихъ безконечнымъ изумленіемъ. Князь А. И. Барятинскій часто любилъ касаться этого предмета и говорилъ, что Рутковскій сдѣлалъ неслыханное дѣло. Фадѣевъ ⁽²⁾ говорилъ, что поведеніе Рутковскаго во всемъ этомъ дѣлѣ походило на поведеніе ребенка, который находитъ веселое и забавное въ огнѣ, обхватившемъ домъ, гдѣ онъ находится. И дѣйствительно, по свидѣтельству самаго Рутковскаго, онъ не сознавалъ и не чувствовалъ рѣшительно никакой опасности, проходя чрезъ немирныя аулы.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ состояніи страны, готовой уже покориться, надо искать объясненія замѣчательнаго подвига Рутковскаго...

Справедливость требуетъ сказать, что бѣдному Булатову было много труда и возни съ своими деньгами и своими вещами, потому что расходование тѣхъ или другихъ, расходование, почти всегда экстренное и потому безпорядочное, все таки требовало

(2) Извѣстный военный писатель.

отчетности. Отъ этого происходило, что въ то время, когда всѣ другіе члены походной свиты Намѣстника кутятъ или спятъ, Булатовъ вѣчно считаетъ свои деньги или свѣряетъ свои счета. Мнѣ лично было очень пріятно, что вся денежная часть была поручена такому солидному и опытному человѣку, и я избавленъ былъ отъ необходимости принимать въ ней какое либо непосредственное участіе.

Потомъ къ походной канцеляріи я присоединилъ Зиссермана. Зиссерманъ, не смотря на то, что былъ майоръ или полковникъ (хорошо ужъ не помню) принадлежалъ къ тому же законодательному учрежденію, о которомъ я выше упоминалъ. Это былъ человѣкъ, весьма опытный, умный и образованный. По предшествовавшей военной службѣ своей, онъ подробно зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства страны, въ которую направлялся походъ и знакомъ былъ со всѣми туземными личностями, сколько нибудь замѣчательными. Владикавказъ, гдѣ преимущественно производились различныя походныя заготовленія и всю военную обстановку его, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе, онъ

былъ нѣсколько разъ самъ въ походахъ. Понятно, какъ мнѣ важно и полезно было имѣть при себѣ такого опытнаго человѣка, мнѣ, который долженъ былъ вкусить первыя сладости похода. Я передалъ Зиссерману всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовленію для меня во Владикавказѣ походной палатки, по покупкѣ верховой лошади, по приобрѣтенію вещей, необходимыхъ для походной канцеляріи и т. п., и справедливость требуетъ сказать, что трудно было найти для всего этого болѣе искуснаго и усерднаго исполнителя.

Наконецъ въ составъ походной канцеляріи я назначилъ одного изъ толковѣйшихъ моихъ писцовъ, на руки котораго сдана была вся матеріальная часть включительно съ походною мебелью, состоявшею изъ складныхъ столовъ и стульевъ, нарочно для похода приготовленныхъ.

До начала похода, князь А. И. Барятинской нашелъ нужнымъ отправиться въ Петербургъ, для предварительныхъ переговоровъ съ Государемъ и оттуда возвратиться уже прямо въ крѣпость Грозную, гдѣ, къ 10 Іюля, должно было сосредоточиться все, что

назначено къ участию въ походѣ. Съ приближеніемъ этого срока началось отправленіе изъ Тифлиса различныхъ частей и различныхъ личностей.

Всѣ эти части и личности выступали въ очередномъ порядкѣ по особо составленному росписанію. Очередь дошла и до меня. Въ назначенный день тронулась моя походная канцелярія и безъ особыхъ приключеній прибыла въ Владикавказъ. Въ Владикавказѣ представлены были на мое усмотрѣніе пріобрѣтенныя и заготовленныя предварительными распоряженіями Зиссермана походныя принадлежности. Изъ нихъ наиболѣе достойными моего вниманія были, во первыхъ, походная лошадь и, во вторыхъ, походная палатка. И то и другое оказалось вполне удовлетворительнымъ.

Исторія лошади была слѣдующая: въ какомъ-то бывшемъ не задолго предъ тѣмъ сраженіи съ какимъ-то возмущившимся племенемъ убитъ былъ знаменщикъ враждебной партіи, которому именно принадлежала эта лошадь. За смертію хозяина она досталась вдовѣ его. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, полковникъ или генералъ, кажется Кундуховъ, самъ та-

тархъ и величайшій лошадиикъ, къ которому обратился Зиссерманъ по части пріобрѣтенія для меня походнаго коня, настѣлъ, какъ говорится, на эту вдову и отбилъ у нея лошадь убитаго знаменщика, разумѣется не жалѣя денегъ. Счастливый всегда и во всемъ, я и здѣсь оказался счастливымъ. Это была не лошадь, а сокровище; необычайной силы, умна, быстра, послушна и въ высшей степени осторожна. Слава ея весьма скоро разнеслась по лагерю. Какихъ хитростей не употребляли мои свитскіе друзья, чтобъ отбить ее у меня посредствомъ мѣны и различныхъ другихъ средствъ, безпрестанно и безуспѣшно ими изобрѣтаемыхъ! Шагъ у нея былъ удивительный, и рѣдкая лошадь могла равняться съ ней въ этомъ отношеніи, такъ что, когда мы, въ отсутствіе князя (о чемъ будетъ сказано ниже) переходили съ позиціи на позицію, и когда я, выдвинувшись впередъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ адъютантовъ, для хоровыхъ пѣсенъ, они часто злились на меня именно за то, что я на своемъ шагистомъ конѣ утомляю ихъ лошадей, которыя не могли поспѣвать за нимъ и шли боль-

шею частію рысью. Рысь эта лошадь имѣла также необычайную, и я смѣло вызывалъ всѣхъ на состязаніе. Въ особенности милый и добрый князь Суворовъ принимался нѣсколько разъ оспаривать у меня побѣду и всегда безуспѣшно. Однимъ словомъ, я гордился своею великолѣпною лошадью и, благодаря ея необычайнымъ достоинствамъ, превратился въ совершеннаго джигита. Въ то время, когда адъютанты и другіе свитскіе господа, запасшіеся двумя или тремя лошадьми, бросали ихъ постепенно въ слѣдствіе слабости, изнуренія или болѣзней, мой конь постоянно оставался здоровъ и невредимъ, не теряя ни тѣла, ни силы. Если пріѣзжалъ въ нашъ лагерь какой нибудь петербургскій господинъ, и начиналъ разыскивать, гдѣ бы пріобрѣсти хорошую походную лошадь, онъ тотчасъ накидывался на моего коня и дѣлалъ самыя блистательныя предложенія въ матеріальномъ отношеніи. Когда стало извѣстнымъ, что лошадь эту, во время похода, нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги, явилось много желающихъ купить ее по окончаніи похода. Въ числѣ этихъ желающихъ былъ и мой

пріятель Фадѣевъ. Продать лошадь за высшую цѣну противъ той, которую я самъ заплатилъ, я считалъ неприличнымъ; слѣдовательно, если я долженъ былъ уступить ее за свою цѣну—то, конечно, естественнѣе уступить ее пріятелю. На этомъ основаніи Фадѣевъ былъ предпочтенъ и объявленъ будущимъ владѣтелемъ моей лошади.

Что касается до походной палатки, изготовленной для меня во Владикавказѣ, то и она меня также удовлетворила вполне: подбитая сукномъ, съ прекрасно-устроеннымъ окномъ, она общала оправдать свое назначеніе. И дѣйствительно, устланная ковромъ, заставленная уютною походною мебелью — она представляла очень милую комнату. Но мое личное пользованіе этою комнатою ограничивалось тѣмъ только, что я въ ней спалъ. Моя палатка какъ-то съ разу сдѣлалась общимъ достояніемъ всей свиты, такъ что почти въ теченіи всего дня она служила сборнымъ пунктомъ для всѣхъ адъютантовъ, и для меня попасть въ нее было также трудно, какъ и для всякаго посторонняго. Этому содѣйствовало, во первыхъ, комфортабель-

ное устройство и убранство моей палатки, какихъ не было ни у кого другаго на всей улицѣ, заселенной свитскими господами; во вторыхъ, обиліе всевозможныхъ запасовъ, находившихся въ распоряженіи моего камердинера и необычайное его умѣнье удовлетворять желаніямъ и требованіямъ cadaго, и въ третьихъ, учрежденіе между свитскими господами въ свободное время игры, для которой мои походные столы служили важнымъ и, можно сказать, единственнымъ основаніемъ. Просто непостижимо, какъ умѣли эти господа набиваться и умѣщаться въ эту, во всякомъ случаѣ, небольшую, палатку человѣкъ по 20. Я помню, что на одной моей походной кровати размѣщалось какъ-то, въ различныхъ изломанныхъ положеніяхъ, человѣкъ по 6 и по 8. Палатка моя освободилась нѣсколько только тогда, когда князю А. И. Барятинскому была прислана великолѣпная, круглая, татарская палатка, которую князь на первое время отдалъ, какъ я выше говорилъ, въ распоряженіе Тромповскаго ⁽³⁾ и которая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ собраній свиты.

⁽³⁾ Генералъ, состоявшій при князѣ.

О походныхъ ящикахъ, заготовленныхъ для меня во Владикавказѣ, говорить нечего; для тѣхъ, кто не знакомъ съ ихъ устройствомъ практически, достаточно сказать, что это просто продолговатые сундуки извѣстной мѣры, снабженные всевозможными ремнями, петлями и крючками, за которые они прикрѣпляются на выючной лошади къ сѣдлу особаго устройства.

Во Владикавказѣ мы пробыли весьма не долго, дня два или три и затѣмъ, въ тѣхъ же экипажахъ, но только не на почтовыхъ уже, а на казачьихъ лошадяхъ, передвинулись въ крѣпость Грозную. По пути отъ Владикавказа къ Грозной мы проѣзжали чрезъ казачьи станицы. Въ одной изъ этихъ станицъ была квартира командира какого-то казачьяго толка или казачьей бригады Едлинскаго, личности въ высшей степени замѣчательной. Это былъ человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, но дурно говорившій по русски, сто разъ бывший богатымъ, человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ намѣстниковъ и составившій себѣ огромную славу своими знаменитыми по остротѣ и